
Глава 5.

1899 год

Проникновение в Маньчжурию. Работа по постройке Восточной Китайской жел<езной> дор<оги>. Первая сдача в архив министра Горемыкина. Замена его на посту министра внутренних дел реакционером, главноуправляющим Комиссией прошений Д. С. Сипягиным. Две смерти: брата царя наследника Георгия Александровича и государственного контролера Т. И. Филиппова. Наследником объявляется младший брат царя Михаил Александрович. *Новым государственным контролером назначается член Государственного совета генерал П. Л. Лобко, личность совершенно тусклая. Нового слова в Государственном контроле не произнес. Вокальными данными чинов вверенного ему ведомства не заинтересовался.* Внимание русского общества сосредоточивается на южно-африканских республиках «буров», в связи с нажимом на них со стороны пожелавшей аннексировать их Англии. Вспыхивает англо-бурская война¹. Все симпатии на стороне *отважных* буров. Нет пределов негодования алчной и бесчеловечной политике Англии. Первые успехи буров восторженно *и шумно* приветствуются. Поражения англичан в начале войны вызывают *столь же* шумное злорадство.

В тот этап франко-русских нежностей было еще далеко до комбинации тройственного согласия при участии Англии². Другом дома в ее лице Франция и Россия еще не обзавелись. Мы еще не любили Англию любовью позднейших лет, предшествовавших и сопутствовавших мировой войне. Напротив, традиционно убежденные, что Англия в своем столь же коварном, сколько великолепном одиночестве всем и повсюду традиционно «гадит», русские были настроены определенно враждебно по отношению к англичанам. Но императрица Александра Федоровна, внучка и воспитанница умершей английской королевы Виктории, была весьма привержена к Англии и близка к английскому королевскому дому. Вдовствовавшая императрица Мария Федоровна была родною сестрою английской королевы, супруги короля Эдуарда. Следовательно, царь Николай II был племянником английской королевской четы. Отношения между царствовавшими домами были cordialные и близкие. Обстоятельство это нейтрализовало враждебную настроенность к Англии русских общественных кругов. Между тем, при всей несоизмеримости сил великодержавной Англии и маленьких бурских

республик, далекая от английской базы война вызывала со стороны Англии чрезвычайное напряжение. Англия испытывала затруднения, давно не бывалые. Поколебалась, чего никак не ожидалось, от казавшейся пустяковой военной экспедиции устойчивость финансов Соединенного Королевства. *Золотое обеспечение английского банка понизилось против нормального соотношения к комиссии.* Систематические поражения в начале войны, с большими потерями, потребовали не ожидавшейся мобилизации чрезвычайных комплектований. И настроение отправлявшихся войск, деморализованных поражениями английских сил на театре войны, было неважное. Если уверенность в окончательной победе над южно-африканскими фермерами не покидала великодержавного английского правительства, справедливо рассуждавшего, что успех всякого дела зависит от размера вложенного в него капитала, и что в конце концов английские фунты обставят войну таким внушительным оборудованием, при котором предприятие свою задачу все-таки выполнит, то отправлявшиеся в Южную Африку английские новые комплектования этой уверенности не разделяли.

Англия была затруднена. Всецело сосредоточена на южно-африканской войне, и для иных внешних воздействий руки Англии были связаны. Моментом этим могли бы воспользоваться те, которым Англия систематически вставляла палки в колеса, для того, чтобы от этих палок колеса освободить. Естественные соседи Персии, мы были стеснены в нашем экономическом проникновении в страну теми границами, которые императивно ставила нам Англия. В сопредельном нам Афганистане Англия не допускала даже консульского нашего представительства. Мы покорялись. И чтобы иметь хоть какое-нибудь политическое наблюдение на границе, какой-нибудь орган политического осведомления, оказывались вынужденными прибегать к унижительной уловке переодевания наших политических агентов в санитары устроенного нами на афганской границе противочумного кордона. Англия была вообще к нам строга и чрезмерно, не по нашей простоте, подозрительна. Можно было бы воспользоваться моментом для некоторого ослабления режима, усвоенного по отношению к нам Англиею в сфере соприкосновения ее и наших интересов. Когда доведенное до соответственных размеров оборудование Англиею войны, закончившейся в 1900 г. разгромом и захватом англичанами бурских республик, стало давать Англии перевес на театре военных действий, германский император Вильгельм II проектировал было совместное с нами дипломатическое «дружественное» вмешательство в англо-бурский конфликт *в целях его мирной ликвидации во спасение буров*³. Соответствующее выступление явилось бы поводом для «доверительного» обмена мнениями с Англиею по ряду вопросов, интересных и для России, и для Германии. Но в силу приязни нашего двора к английскому и отсутствия симпатий (по меньшей мере) у царя к императору Вильгельму, мы от предложенного выступления уклонились. Не поддержанный нами император Вильгельм один на вмешательство в английские дела не пошел.

* * * * *

Явно разбойничья, со стороны Англии, англо-бурская война была первым и по времени немедленным ответом великих держав на лицемерно ими поддер-

жанный «великодушный почин русского императора», в том же 1899 г. предложившего учредить в Гааге международное судилище для третейского разбирательства международных конфликтов⁴.

Упразднявший войну «почин» успеха не имел. «Мирные» конференции собирались, заседали. Произносились хорошие слова; но им не верили прежде всего те, кто слова эти произносил. И никто серьезно к «почину» не относился. О нем мало и говорили. Если же упоминали, то преимущественно с насмешкою, и не добродушною, а злою.

Летом 1899 г., *так же как и в 1898 г.*, я ездил за границу. В поезде, от пограничной станции Эйдкунен на Берлин, разговорился с подсевшим в Кенигсберге пруссаком-помещиком. Узнав, что я русский, он заговорил сначала осторожно, но с явною ирониею о нашем мирном «почине». Мне было интересно дать ему высказаться. Репликами моими я вызывал его на откровенность. Постепенно разгораясь, перейдя от иронии к сарказму, он набросился на почин с нескрываемым ожесточением. «Упразднение войны? Вы ее не выкинете из оборота народов вашими детскими бреднями. Прежде всего, мы войну хотим. У меня пять сыновей, и если завтра у нас будет война с Россиею, то я всех сыновей до одного брошу на войну с вами». Это был крик души. И говорил со мною немец не единичный, не случайный, а насквозь пропитанный милитаризмом собирательный немец. И не имело значения то обстоятельство, что это был немец-помещик, а не пролетарий. В сознании и немецкого пролетариата преобладал в то время воинствующий национализм. Интернационалистов было относительно мало, и они *совершенно* не отражали настроения страны^а.

Берлин — город утонченной культуры, идеальной опрятности и чистоты, великолепных зданий, роскошных садов, сказочной налаженности необычайного комфорта, доступности, дешевизны всех благ совершенной цивилизации. От него мой путь лежал через величавые красоты саксонской Швейцарии к богемской курортной группе Карлсбада, Франценсбада, Мариенбада. Удобно, хорошо налажено, но как далеко этим излюбленным европейским курортам до великолепия наших бальнеологических устройств Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков и даже Железноводска. Посетил близлежащий к Франценсбаду городишко Егер с единственною его достопримечательностью — старинным замком Валленштейна, убитого в Егере в XVII веке. Постройка замка, видимо, относится к значительно более ранней эпохе. Каким могильным холодом, какою кладбищенскою тоскою веет от мрачных его стен. Неужели жили в нем живые люди?! Неужели жила молодость, радость, любовь, раздавался смех, звучали поцелуи и песни? Не осталось и безмолвных свидетелей радостей жизни. Но остались *казематы со вделанными в стены концами тяжелых цепей*, люки-убиетки, разверзавшие перед обреченною жертвою свою черную пасть из тьмы глубоких подземных колодцев. От сырой их затхлости веет по сей час ужасом бесчеловечных пыток и казней. Карлсбадский Шпрудель. Ресторан Пуг'а у подножья вертикального отвеса густо заросшей лесом горы. Разнообразие военных форм лоскутной Австрийской империи вплоть до совершенно маскарадных нарядов. Своеобразный

---

^а Ниже помещается не вошедший в окончательный текст отрывок воспоминаний (один абзац), приложенный к основной их рукописи и относящийся, по-видимому, к данному путешествию.

убор монахов в средневековых широченных плоских шляпах. Евреи в лапсердаках до пят, меховых шапках, с длинными пейсами. И музыка, музыка без конца, с шести часов утра, собирающая курортников на утренние ванны и гремящая до поздней ночи в садах и курзалах. Неважные обеды, недурное вино, кофе, шоколад с пирожным и великолепный нежный schinken в крошечных аппетитных окорках. Прага, Вена — прелестный город ровного серого гранита, роскошных парков, желтого от песочной мути Дуная. Карпаты, синеющие облаком на фоне горизонта, Тржбиня, наше (бывшее) Александрово, свирепый таможенный осмотр, какого не бывало нигде за границей и даже в нашем (также бывшем) Вержболове. Поезд в Варшаву. Утро в Варшаве. Я жил в ней ребенком в семидесятих годах, когда Уяздовская аллея была действительно аллеею с садами, пустырями и плацами для маневрирования войск по бокам. Теперь — роскошная сплошная застройка, утопающая в цветниках и садах. Бельведер, Лазенки — совершенно Берлинский Тиргартен. В центре города — прелестный Новый Плац, Саксонский сад, цитадель, дворцы, цукерни на открытом воздухе, столичного типа гостиницы, магазины. Брест, Смоленск, Калуга, отдых в имении в гостях в Калужском уезде, Москва, и круг смыкается в Петербурге.